

ОТ РЕДАКЦИИ

I.

Между до-революционными и по-революционными течениями российской общественно-политической мысли существует коренное различие.

Прежние политические группировки отталкивались в **разные** стороны (и по различным причинам) от одной и той же исторической данности — тогдашней России — тем самым разлагая единое целое и работая на разрыв. Вся деятельность их была плоска, **двух - мерна**, — все вопросы воспринимались не столько в плане **идей**, сколько в плане **интересов** — и трактовались почти всегда материально, если не материалистически.

По - революционные направления в подавляющем большинстве своем определено **трех - мерны**, ставя во весь рост проблему **духа**, выдвигая на первый план идею духовно - культурной и исторической миссии России. Исходя из часто разных отправных установок — новые течения тянутся к одной в **высшем плане** лежащей, точке — и тем самым как бы строят своим общим порывом некую незримую, но реально - мыслимую, — трехмерную, к небу устремленную пирамиду.

До-революционные направления, из различных побуждений и с разными целями, сходились в одном: в **ОТРИЦАНИЯХ**.

Течения по - революционные, исходя из различных предпосылок, устанавливая свою идейную преемственность из разных идеологических источников — сходятся в конечных **УТВЕРЖДЕНИЯХ**.

Первые имели общую ближайшую задачу — заранее зная, что они станут на завтрашний день после свержения самодержавия смертельными врагами сегодняшних союзников.

Вторые — иногда расходясь в тактических установках сегодняшнего дня — имеют общие конечные цели; с каждым шагом вперед — пути их **сближаются**.

II.

На рубеже между теми и другими заканчивает свой путь единственное направление, заслуживающее наименование **революционного**, — ныне еще держащее в своих руках судьбы страны.

Стихия Революции произвела в российских условиях особого вида метаморфозу: до - революционное течение, наиболее четко и до конца **отрицавшее** современный ему политический и социальный уклад (росс. соц. - дем. раб. партия, фракция большевиков) — преобразилось в совершенно новое и крайне своеобразное явление, принявшее название ВКП (б).

Группа теоретиков и профессиональных революционеров, оказавшаяся на гребне народной волны, по существу ей чрезвычайно **чужеродной**, — сумела не только к этой волне приспособиться, но постепенно и видоизменить как свою политическую платформу — так и весь свой социальный облик (советский строй, рабоче - крестьянскость, теория построения социализма в одной стране и т. д.).

Можно сказать, что ВКП впитала в себе стихию Революции и что Революция, в известном смысле, на данном своем этапе, несомненно олицетворяется компартией.

Борясь с компартией — мы тем самым преодолеваем и марксистско - материалистический этап Революции.

III.

К проблеме Революции нельзя подходить упрощенно, как многие склонны это делать. Нельзя забывать, что она не только кризис России: она — кризис всей современной цивилизации.

В плане историческом — Революция есть **конец**, катастрофическое завершение до - революционного цикла; она исторически закономерна, неся в себе предел тех **отрицаний**, которые должны были реализоваться, изжить себя и быть преодоленными, чтобы оказалось возможным **начало**: грядущие **УТВЕРЖДЕНИЯ**.

Однако в плане жизненном нельзя провести точную грань между концом старого и началом нового; это возможно лишь в отвлеченном, умозрительном построении. В узле, стянутом Революцией, — сосуществуют, сплетены и борются две стихии: стихия разрушительная, завершающая до - революционный цикл — и творчески - созидательная, нарастающая стихия, ужедвигающаяся в пореволюционность.

Преодолеть стихию разрушения и ускорить оформление стихии созидания — основная задача по - революционной российской мысли: религиозной, философской, политической.

Поэтому мы относимся положительно к зарождающейся в революционном процессе творческой стихии; мы горячо приветствуем выдвижение новых, жизненных и активных слоев, их вселенский размах, их волю к устройению более совершенного социального уклада. Мы приемлем всю остро поставленную Революцией проблематику, отвергая однако те **решения** проблем, которые вытекают из уже отжившей, ставшей тем самым в известном смысле **реакционной**, коммунистической догматики.

Буржуазно - демократический этап Революции был преодолен в Октябре; ныне изживается, в потоках крови, второй этап: коммунистическо - материалистический; мы приложим все силы к тому, чтобы он не задержался на исторической сцене.

Мы будем стремиться к ускорению наступления третьего этапа: реализационного. В нем должен быть заложен фундамент конструктивной пореволюционности.

IV.

В разгаре революции, в России и в эмиграции, вне всякой “физической” между собой связи, — стали зарождаться, различными словами выражаемые, — почти одни и те же мысли.

В 18-м году Блок переживает свои “Двенадцать”; Ремизов пишет “Взвихренную Русь”; в 19-м особенно гулко звучит катастрофизм эпохи в творчестве Андрея Белого; в 20-м Бердяев работает над “Новым Средневековьем”. Намечаются вехи, закладываются первые камни.

В 20-х же годах, уже в эмиграции, зарождаются первые группы, ставящие проблему по - революционной России: устряловцы, евразийцы, национал - максималисты, нео - народники, белокрестовцы.

Сколько их появилось в России, каких наименований — мы, конечно, не скоро узнаем. Пока нам известны только некоторые тайные кружки, среди них — народники - мессианисты.

К чему же сводились утверждения большинства представителей этих новых группировок?

Элементарно можно их свести примерно к следующим, наиболее характерным:

1. Примат духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным,
2. Долг устроения жизни на основах христианской правды,
3. Всечеловечность миссии России — духовной, культурной, социальной (раскрываемой многими, как мессианское призвание),
4. Наконец, постановка проблемы по - революционности, как проблемы синтеза (до - революционная Россия — тезис, революционная — антитезис).

V.

В истории российской мысли, начиная со времен старца Филофея (“Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать”) — существовало два основных русла: течения, черпавшие свое творчество в духовной сокровищнице своего народа — и течения, по существу лишь переводившие на русский язык западно - европейские теории и построения.

Из всего до сих пор сказанного ясно, что мы, не отвергая в учениях иностранных мыслителей то, что в них ценно с обще-

человеческой точки зрения — свою преемственность ведем от первой, в подлинном смысле народной, семьи течений.

Однако и в этой семье отдельные искры истины оказались разбросанными по нескольким группам и школам — от славянофилов и народников — до анархистов типа Бакунина включительно; нельзя ныне признать ни одну из этих школ **единственной** посетительницей Российской Идеи в тогдашнем ее преломлении. Прагматичность, раздробленность, индивидуалистичность эпохи не могли не сказаться и на идеологических формулировках ее современников.

Ныне наступающая новая эра — эра синтеза — действительно требует воссоединения прежде рассыпанных искр в **одно** идейное пламя.

Большая, ответственная работа предстоит нашим передовым мыслителям. Мы с радостью предоставляем им наши страны.

Рядом с ними мы охотно отводим место и идейным исканиям пореволюционно - мыслящей молодежи. Эта молодежь — сотрудники и зачинатели “Утверждений”, — нередко задавленная тяжелыми материальными условиями, сама отдает себе отчет в несовершенстве своих средств и возможностей. Она пытается преодолеть “бытие” — “сознанием”; но, понимая, что одного сознания всетаки мало — упорно работает над собой, над повышением своей культурной и политической квалификации.

Мы полагаем, что тесное сотрудничество на страницах одного органа больших идеологов и “становящихся” молодых — сможет дать только благотворные результаты, облегчить **общее** дело.

Нам необходима концентрация **всех** сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической Идеи в ее проекции на современность.

VI.

Но слово без дела — мертво. Мы не предполагаем ограничиться словами.

Мы верим, что, в дальнейшем, осознанное единство идеологии — приведет к практическому сотрудничеству и организационному объединению не только различных группировок по-революционного фронта — но и к вхождению в объединение отдельных лиц, ощущающих себя в по-революционном секторе.

Мы не стремимся ограничить понятие по - революционности фактом примыкания к одной из пореволюционных организаций, — т. к. элементы новых настроений нельзя отрицать и среди лиц, пока еще состоящих в рядах до - революционных (по стилю) эмигрантских партий.

По мере того, как отдельные люди, преодолевая свою групповую принадлежность, утверждают задачи пореволюционности не как тактическое **приспособление** старых до - революционных программ к требованиям текущего момента, не как способ **маскировки** того или иного вида чаемой реставрации — а как выход в новую эпоху, “к новому небу и новой земле” — такие люди тем самым уже включают сами себя в единый по-революционный фронт.

VII.

Наша политическая позиция вполне определена: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь же непримиримо враждебна всякой реставрации — во всех ее видах и степенях.

Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и анти-тезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути.

Тактически мы утверждаем идею широких объединений для революционного свержения сталинской диктатуры. Но нас не удовлетворяют эмигрантские попытки создания объединений “против”; мы считаем прочными и жизненными только объединения “за”.

Лишь на основе положительных **утверждений** люди новой эпохи смогут преодолеть частное ради общего, “мое” — ради “нашего”.

Во имя России завтрашнего дня.

1 февраля 1931 года. Париж.